

УДК 392.12 + 39(=512.156)

Ч. А. Кара-оол

НАЧАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЕНКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЫВИНЦЕВ XIX — НАЧАЛА XX в.

Рассматриваются начальные обряды социализации ребенка в традиционной культуре тывинцев XIX — начала XX в. Данные процессы маркировались специальными предметами, такими как шерсть овцы или козленка, клыки марала или когти медведя. Они наделяли ребенка сакральной субстанцией, определяли родовую принадлежность, моделировали будущее.

К л ю ч е в ы е с л о в а: обряд укладывания в колыбель; обживания; крюк; обереги; шерсть; клыки марала; когти медведя; культовые предметы; имянаречение; обряд обрезание волос; прическа.

Целью данной работы является структурно-семантический анализ обрядов в традиционной культуре тывинцев, призванных выполнять функции отделения ребенка от иного мира, надления его свойствами живого человека и включения в этот мир.

К ним в первую очередь относится **обряд укладывания в колыбель** (*кавайже чыттырары*). Следует отметить, что колыбель (*кавай*) свято почиталась тывинцами. Ее называли «семейной» (*ог-буле*) и передавали по наследству. Согласно воззрениям, «чтобы колыбель не осталось пустой», к ее изготовлению приступали только после рождения ребенка, причем мастером мог быть близкий родственник роженицы (отец, муж) или уважаемый, пожилой, многолетний человек. Это также связано с воззрениями тывинцев: «чтобы ребенок дожил до преклонных лет, имел многочисленное потомство».

Когда привозили колыбель, то в семье проводили обряд ее обживания, который проходил в несколько этапов. На первом этапе мастер, изготовивший колыбель, клал в колыбель свою голову и произносил определенные слова, желая счастья и долголетия младенцу. На втором — в нее на некоторое время укладывали щенка. На третьем — действия и слова мастера повторяли уже родители ребенка [3, 156]. И только после этого мать укладывала в колыбель ребенка, привязывала ременными вязками, прикрепленными к боковым стенкам. Под его спинку стелили мягкую шерсть овцы или козий пух, сверху прикрывали меховой пеленкой. На голову ребенка до года обычно ничего не надевали, но в случае надобности надвигали шерсть или пух.

Колыбель обычно помещалась возле кровати родителей или подвешивалась к крюку, прикрепленному к концу ременной веревки, спускавшейся по жерди с крыши юрты. Когда крюк изнашивался, его заворачивали в шелко-

вый платок и прятали в укромном месте. За новый крюк мастеру давали серую козу, считалось, что этот цвет олицетворяет цвет неба [3, 157]. М. Б. Кенин-Лопсан отмечал, что укладывали в колыбель в соответствии с сезонами года. Он писал: «Колыбель, как родное гнездышко ребенка, искусный продукт народного творчества: весной, когда дует студёный ветер, летом в палящую жару, в осенние заморозки, в зимний трескучий мороз — в каждом случае имеется свой способ укладывания младенца в колыбель» [4, 53].

Таким образом, мы видим, что обряд укладывания в колыбель сопряжен с апотропейными функциями, согласно которым колыбель как жилище «оживалось» вначале сакрально значимым человеком, выполняющим роль демиурга, после чего это пространство очищалось собакой, с одной стороны, отпугивающей злых духов, а с другой — являющейся проводником из иного мира, и наконец наступал черед родителей, которые наделяли пространство колыбели энергией этого мира.

Обереги (*камгаладар*). У тывинцев бытовали следующие атрибуты-обереги: во-первых, шерсть или пух, которые стелили на дно колыбели. Во-вторых, клыки марала (все четыре), которые подвешивались по одной штуке у плечевого шва колыбели и по одному — со стороны лопаток, и когти медведя. В-третьих, специальные культовые предметы (*ээрен, онгут*). К культовым предметам Л. П. Потапов относит фигурки «духов-охранителей» (*уруглаар ээрен*), вырезанные из войлока, иногда из других материалов.

Согласно представлениям тывинцев, они защищали ребенка от злых духов, от сглаза и наделяли его сакральной силой (*фарном*). Считалось, что к пугливому ребенку может приблизиться что-то плохое, и клыки (*диштер*), когти (*дыргак*) предохранят, защитят его от беды.

Обереги в семье хранились долго, ими пользовались не менее четырех поколений детей. Когда ребенок подрастал, клыки марала, иногда в сочетании с когтями медведя (*адыг дыргаа*), прикреплялись к его верхней одежде или поясу.

Кроме того, специально колыбели посвящали белую с черным пятном на лбу овцу (*ыдык, ак кара баштыг ошку*). В случае болезни ребенка ее приводили в юрту и ставили возле колыбели. Считалось, что она должна была вобрать в себя болезнь ребенка, дыша над ним. Сохранился текст, произносившийся шаманом при обряде установления этого *ээрена* в юрте:

Вы будете жить и расти, выпивая молоко из этой овцы.
Вы, малыши, родные и милые.
Молодая овца с черной отметкой на лбу,
Красивая эта молодая овца,
Белая молодая овца с горячим дыханием,
Будь защитой своим маленьким детям [7, 25].

Дети в колыбели находились долго, иногда до 2-летнего возраста. Согласно поверьям тывинцев, ребенок, рано начавший ходить, не будет долго жить. Поэтому тывинцы задерживали самостоятельное хождение ребенка, привязывая к его шубе деревянную ступку.

Имянаречение (*чаш толге ат адаары, тытсыры*) новорожденного. У современных тывинцев имянаречение происходит примерно на третий день после рождения младенца. Но в традиционной культуре, как сообщает С. И. Вайнштейн, тоджинцы иногда это делали только на третий год. У южных тывинцев для этого специально приглашали исполнителя благопожеланий (*тоолчу*) [1, 71]. В его импровизациях содержались пожелания новорожденному долгого срока жизни, благополучия:

Долго, счастливо идешь ты.
 В счастливый год родился,
 В самый хороший (лучший) день родился.
 Как звери передней горы играют,
 Как рыбы в воде свободно плавают,
 Таким ты будешь!
 Как расцветают ветви и деревья обширной Земли,
 Здравствуй так в жизни и ты! [3, 157].

В раннем детстве ребенок имел два имени: настоящее, которое никогда не произносили вслух, пока он не достигнет хотя бы 3-летнего возраста. К этому времени считалось, что злые духи уже не так опасны, как при рождении. И «скверное» — имя, благодаря которому ребенка делали непривлекательным для злых духов: *Багай-оол* — «плохой мальчик», *Тыртук-оол* — «кривой мальчик», *Отпек-оол* — «понос-мальчик», *Чудек-кыс* — «некрасивая девочка», *Чудек-оол* — «некрасивый мальчик».

С именем связано много суеверий (*сагылгалар*). Например, в случае если ребенок много болел, считалось, что имя выбрано неудачно. Тогда его имя заменяли другим.

Взрослые мужские и женские имена тывинцы получали в период полового созревания. В героическом эпосе юноша получал имя только после того, как укротит подаренного ему коня, т. е. станет мужчиной [2, 54]. Выбор имени не всегда зависел от воли родителей, хотя без их согласия ребенок не нарекался. Имя взрослого человека ему могли дать или отец, или принимавшая роды женщина, или старейший уважаемый человек, сейчас — лама.

Следует отметить, что традиционно в семьях тывинцев не обращались к ребенку и друг к другу по имени, а пользовались половозрастными терминами родства, прозвищами — *шола ат* [3, 157].

Таким образом, обряд имянаречения выполнял важную функцию по наделению ребенка признаками живого человека этого мира. Имя ребенка было сакральным и влияло на его судьбу. Поэтому тывинцы, в целях оберега младенца от злых духов и сглаза, скрывали от всех его настоящее имя, а использовали различные названия, в том числе некрасивые, что также являлось защитой, делая ребенка непривлекательным для сил зла.

Обряд обрезания волос (*чашты хылбыктаары*). Суть этого семейного праздника заключалась в том, что ребенку, достигшему 3-летнего возраста (*уш хар*), обстригали волосы или их часть. В назначенный день, чаще всего в начале лета, родители приезжали с ребенком к уважаемым людям — бабушке,

дедушке или состоятельному почтенному соседу, если он высказывал желание принять участие в обрезании волос. Приглашали также родственников и соседей. Стрижка выполнялась ножницами, и первый пучок состригал уважаемый человек, у которого год рождения по 12-летнему календарному циклу совпадал с годом рождения малыша. Остальные могли дотрагиваться руками до волос ребенка или состригать небольшие клочки волос. Весьма обстоятельное описание процедуры обряда стрижки волос у тывинцев дает М. Б. Кенин-Лопсан: «О дне стрижки волос просили узнать у шамана, *чарынчы* (тот, кто гадает по бараньей лопатке), или у того, кто гадает по камешкам *хуванак*. С приходом желтой религии люди стали обращаться и к ламам. По тывинскому обычаю, после стрижки волос ребенок становится обладателем собственного имущества — *ончу*. Если собственность ребенка (скот) решили использовать в качестве *чиш* — запаса на зиму, то обязательно брали разрешение у него с последующим восстановлением копыт животных, т. е. взамен давали другой скот» [4, 51].

Перед процедурой родители подносили дедушке или бабушке (кто начнет первым стричь волосы) белый *кадак*, чай (*шай*), материю, угощали его и говорили: «Мы хотим, чтобы вы обрезали волосы нашему ребенку, потому что вы достойный, уважаемый человек». Затем подавали ему ножницы (или нож) с привязанным к ручке белым *кадаком* (такое привязывание называлось *хачы актаар*) и подводили ребенка [5, 145].

В начале этого торжественного момента дедушка — *кырган-ачай* (бабушка — *кырган-авай*) гладил ребенка по головке три раза слева направо, по движению солнца, обводил вокруг нее ножницами, задевая ими и концом *кадака* волосы. Обрезание первых, или утробных, волос делалось в определенной последовательности. Сначала состригали волосы с левого виска, потом спереди до темени и затем переходили на правый висок. Таким образом, снятие волос шло как бы по ходу солнца. Следует сказать, что мальчиков и девочек стригли по-разному. Девочкам символически стригли только боковые волосы, заплетали одну косичку (*чъааш*), завязывали ее концы украшением из нитей и бус (*боошкун*). Считается, что накосное украшение *боошкун* тоже было оберегом. Мальчикам стригли волосы по внешнему кругу, а оставленные на темени заплетали в одну косичку (*кежеге*) и завязывали ее шнуром или тесьмой. Последние могли быть синего или черного цвета, так как эти цвета считались благополучными для представителей мужского рода. У тывинцев в Овюрском кожуне и у тоджинцев эта прическа сохранялась только три дня, после чего и у мальчика и у девочки волосы обрезали окончательно.

Состриженные волосы убирались в узелок или специальный мешочек и припрятывались матерью в специальный сундук или же в подушку, на которой спали родители. Г. Н. Курбатовский пишет, что первые волосы считались дорогостоящими и грешными. К ним нельзя было прикасаться острым предметом. Чтобы они не лезли в глаза, заплетали косы. В традиционной культуре волосы ассоциировались с нитью, а также с ее аналогом — пуповиной, которая связывает человека с миром природы. Поэтому вычесанные или выстриженные волосы тщательно сохранялись.

Волосы, согласно традиционным воззрениям, были значимы для человека, считалось, что любые манипуляции с ними приводят к изменению состояния человека. Действия с волосами входили во многие возрастные обряды (например, свадьба).

После обрезания волос человек, который первым начал стрижку, благословлял ребенка: «*Мен ышкаш узун назынныг, Удаа чыргалдыг болзун!*» («Будь, как я, долголетним. Пусть твоя жизнь будет счастливой!») — и обещал корову. После чего каждый родственник также произносил благопожелания: «Я обрежаю твои волосы. Доживи до моих седи́н, будь богатым, как я. Будь честным, порядочным, удалым, как орел или сокол, сильным, как тигр» — и одаривал ребенка скотом: козленком, жеребенком или теленком.

Затем начинался пир (*той*), во время которого главному благославляющему оказывали особое уважение. Родственников усаживали на почетное место (*дор*) около сундука (*антара*), им дарили подарки, например *кадак*, и преподносили вареный курдюк барана [5, 214].

Следует отметить, что прическа *кежеге* была издавна традиционной для тывинцев, и ее носили члены богатых, уважаемых семей. Это подтверждается и тем, что на каменных изваяниях, найденных на территории Тувы, можно видеть изображения головы с косой на затылке. Беднякам же предписывалось правило стричь только чубы. Как видим, ребенок наделялся свойствами человека этого мира, способного «заплести косу». «Избавляясь от первых, младенческих волос, ребенок отделялся от потустороннего мира и ставился в один ряд с людьми. Только человек может заплести косу» [6, 57].

Как сообщает Л. П. Потапов, человек, который первым постриг волосы ребенка, дарил ему четыре вида скота (барана — *хой* или ягненка — *хураган*, козу — *оцку* или козленка — *анай*, теленка или жеребенка). Остальные — кто сколько мог. Этот скот становился собственностью ребенка, и с него начиналось формирование его *ончу-хоренки*, т. е. стада, которое выделяли родители взрослым детям [7, 57].

Таким образом, в традиционной культуре тывинцев обряды первых лет жизни были связаны с важнейшими функциями, призванными на магическом уровне защитить ребенка, наделить его сакральной субстанцией, свойствами живого человека, определить его полосоциальный статус и интегрировать в семейно-родственный коллектив.

1. *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М., 1961. 11 с.

2. *Вайнштейн С. И.* История Тывы. М., 2007. Т. 2.

3. *Дьяконова В. П.* Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири / отв. ред. И. С. Кон, Ч. М. Таксами. Л., 1988. С. 152–186.

4. *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная этика тывинцев. Кызыл, 1994.

5. *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре: историко-этнографические аспекты тывинского фольклора. Кызыл, 2001.

6. *Кустова Ю. Г.* Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб., 2000. 160 с.

7. *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тывинцев. М., 1969. 400 с.